

15 коп.

Индекс 72996

ISSN 0132-2141. Б-ка Крокодила. 1989. № 7. 1—48.

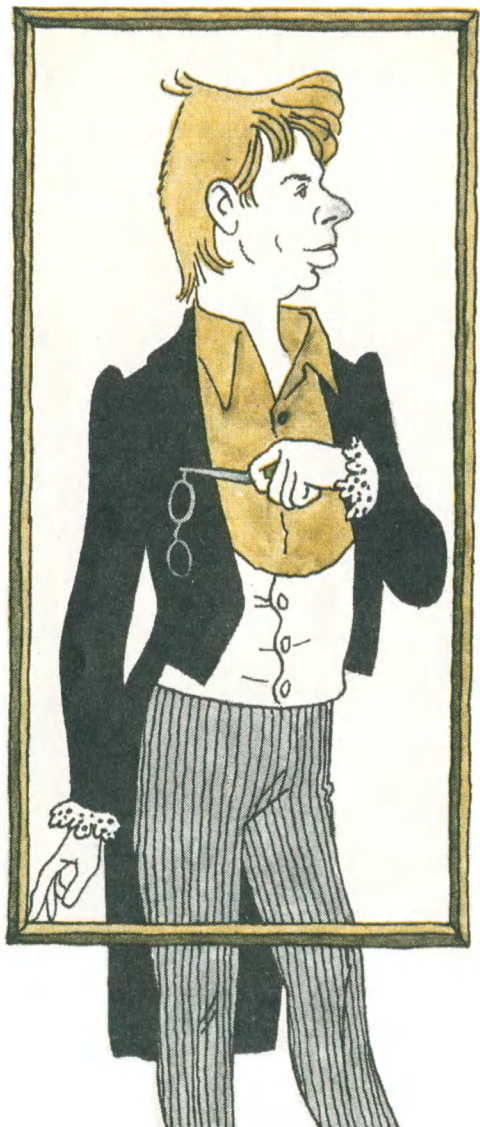
ISSN 0132-2141

№ 7

Дмитрий ФИЛИМОНОВ
ЧЕРНО-БЕЛАЯ
ВЕСНА

Вдумчиво-печальный,
в черном фраке,
я войду в историю
без драки,
с тенью от улыбки
на устах,
чтоб висеть....
в общественных местах.

A stylized signature or logo.

**БИБЛИОТЕКА
КРОКОДИЛА**

№ 7

(1067)

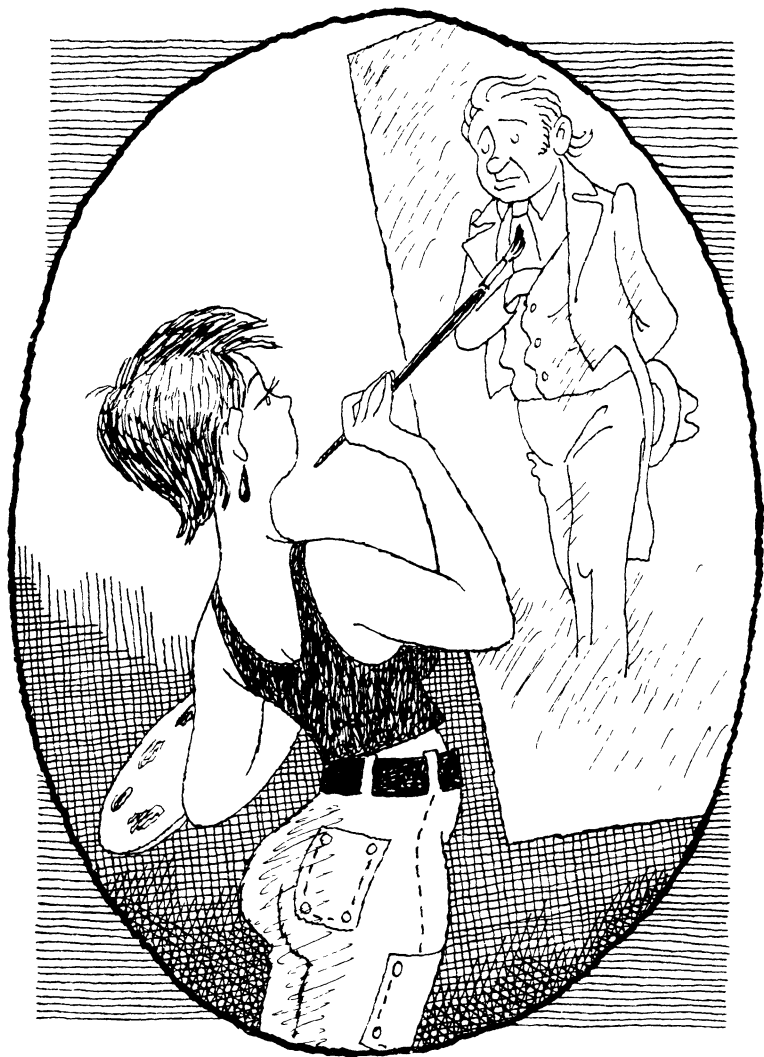
ИЗДАЕТСЯ С 1945 ГОДА

**Дмитрий
ФИЛИМОНОВ**

**ЧЕРНО-
БЕЛАЯ
ВЕСНА**

Рисунки Е. ГУРОВА

**МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
1989**

Юной художнице

Ирония — это тень от улыбки.

Нарисуйте, девочка, поэта.
Он поэт, он создан для портрета.
У поэта умные глаза.
Нарисуй поэта, стрекоза!

Что ты все порхаешь по пейзажам?
Спору нет, ценней шахтер со стажем,
он герой, конечно, спору нет,
сразу в Эрмитаж возьмут портрет.

Но поэт, поэт!.. Решайся, крошка.
Пусть не фешенебельна обложка,
но зато — пружина и сюжет.
Выйдет замечательный портрет.

Вдумчиво-печальный, в черном фраке
я войду в историю без драки,
с тенью от улыбки на устах,
чтоб висеть... в общественных местах.

Стериализм

Две трети планеты свихнулось на сюре.
Жлобы рекламируют неожлобизм.
А в нашей изысканной литературе
полвека главенствовал стериализм.

На вате стерильной не сыщешь микроба.
В страдальне хирурга стерилен паркет.
Стихи из журнала возьмите на пробу —
не то, что микроба, реальности нет.

Стерильные кошки котят не рожали.
Смирнее овечки стерильный верблюд.
В стерильных романах проблем не решали,
но звонко внушали, что главное — труд.

Слипались от приторной патоки веки.
И наглухо гений стерильной строки,
как будто на рану бинты из аптеки,
стерильные строки мотал на мозги.

У стерилизма надежные корни.
У стерилизма плоды хороши:
печатные тонны стерильного корма,
где правда разбавлена сахаром лжи,

где нож на иголочку или занозу
похож, а герои похожи лицом,
как дети, когда яйцеклетка к митозу
имеет в ядре сорок семь хромосом.

Увы, и сегодня таланту в прихожей
редактор частенько вещает: «Пуцать
не велено. Вы на других не похожи.
Вам рано в стерильную нашу печать!»

* * *

Хорошо иметь машину,
на машине разъезжать
и галантного мужчину
из себя изображать.

И в неделю раз верзилу
из начальствующих сфер
довезти до магазина
или бани, например.

И красавиц, и попроче,
милых, нежных, всех подряд
развозить по разным рощам,
если только захотят.

На завистливые лица
снисходительно смотреть.
И в автобус не ломиться.
И в трамвае не потеть.

Не стоять — сидеть на каждом
перекрестке городка,
и смотреть на пешех граждан
снизу, то есть свысока!

Интервью

Да-да. Прошу. Сюда. Рад встрече.
(Пал Палыч! кофе. Два! Покрепче.)
Вид из окна? О да! — Столица —
вперед и вдаль, как говорится.
Да. Вновь под лозунгом... кисть... масло...
С чего начнем? С прицелом? Ясно.
Вот схема нашего охвата —
Указ 15. Подпись. Дата.
Вот наши центры, вузы, базы,
под каждым копия — Указы.
А вот план будущего лета,
Указ 140 Моргпланбрета.
О профилактике колитов
Указ Колит... (Да-да? Евклидов?
Я занят! Пресса. Завтра!) Кстати,
мы ждем Указа о зарплате.
Что-что? Ах... новая зараза...
Да-да, конечно, ждем Указа.

Что? Лечат? Пусть! Как говорится —
не всем болеть, не всем лечиться.
Что-что? Лечить заразу сразу?
Без осмысленья? Без указу?!
Да вы... да мы... да нам... да если...
Да вы хоть раз... сидели в кресле?
Что-что? Не слышу! Ах... ни разу?..
(Пал Палыч! Дайте автобазу.
Диспетчер? Это я. К Здравмину.
Сейчас! Пал Палыч! Дайте Зину.
Зиночек? Буду. Да. Железно!)
Товарищ, ждете бесполезно,
спешу, спешу. Что-что? Чья мама?
(Пал Палыч! Выдворите хама!)

ЧП

В зоологическом — уютно и тепло,
и в душевной вечности своей не виноваты
опилки в шкафах под названием — экспонаты
от посетителей укрыты под стекло.

Я век сюда бы — ни ногой, здесь мертвостой,
но прочь желанья, я должен разобраться,
кто крикнул, пыль поколебав: «Пустите, братцы!
Хочу на волю я, ведь я еще живой!»

Носок несвязанный сорвался на паркет.
От удивления хранительница спицу
коту музейному воткнула в ягодицу,
и кот испуганный метнулся в туалет.

Я, словно следователь, залы истоптал
от экспоната к экспонату и обратно.
И на паркетинах высматривая пятна,
я подсознательно вживался в криминал.

Авторитетно заявил искусствовед:
— Все это бред, здесь жизни нет, здесь экспонаты!
На всякий случай компетентные ребята
пришли директорский проверить кабинет.

А я заглядывал тайком в стекляшки глаз,
и там неоновые искорки дрожали.
Как будто в окна новостроек горожане,
уткнулись чучела носами в плексиглас.

Для профилактики и в считанные дни
все экспонаты были заново набиты,
опилки старые — в огонь, а все копыта
и когти — намертво болтами, чтоб ни-ни...

Я не нашел его, да и не мог найти
того, кто выкрикнул в сердцах: «Пустите, братцы!»
Когда я близок был к тому, чтоб разобраться,
вставали сами экспонаты на пути.

В зоологическом — уютно и тепло.
Теперь хранильница дремлет под девизом:
«Нет суевериям!» И смотрит телевизор,
где вся планета уместилась под стекло.

* * *

Из годов шероховатых
выдирая жизни нить,
мы живем на концентратах
и мечтаем долго жить!
Впереди у нас победы,
достиженья... Может быть,
я куплю с аванса кеды,
буду в кедах в лес ходить,
или бегать от инфаркта
рано утречком трусцой.

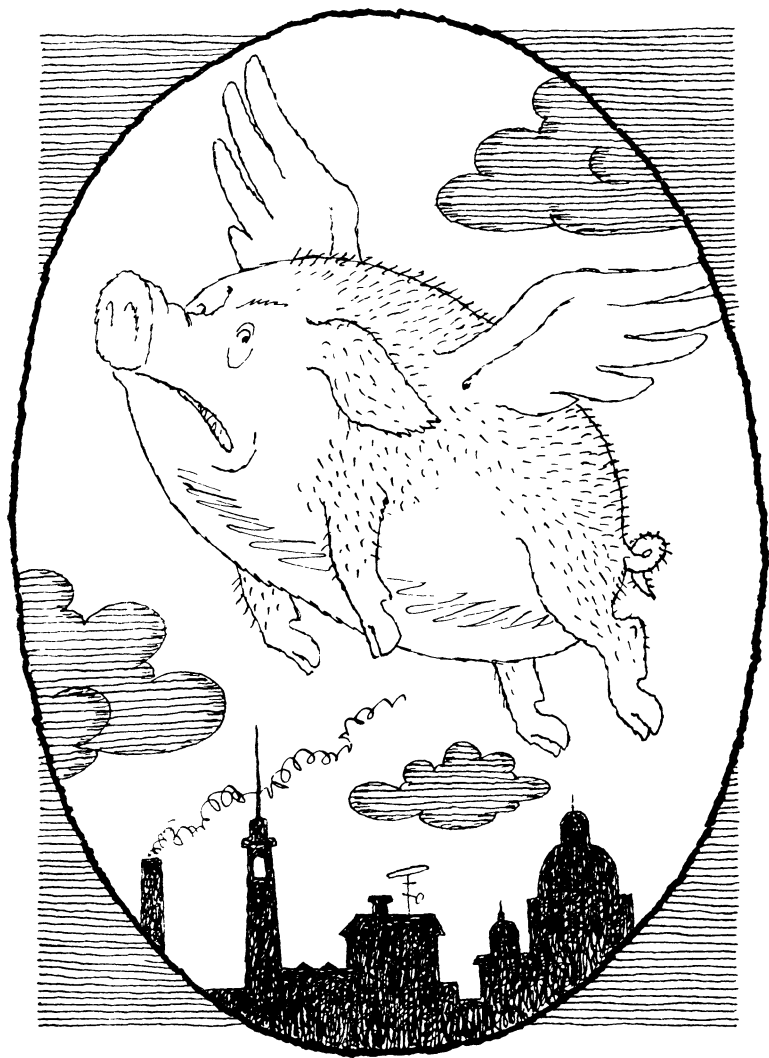
Смерть — смешна, но страшно факта,
потому что факт плохой.
Умирать ужасно скучно.
Оптимизма в этом нет.
А поэтому с полочки
я куплю велосипед,
чтобы ездить, жать педали,
жир сгонять, коль будет жир.
И не надо мне медали.
Буду счастлив тем, что жив,
тем, что я не навзничь в койке,
тем, что сын из дневника
по ночам выводит двойки,
чтобы я купил щенка.
И куплю!.. А если сильно
подкузьмит меня судьба,
научу смеяться сына.
Тихо, молча, про себя.

* * *

Все очень хорошо и даже здорово!
Над крышами, над шпилями вчера
я видел пролетающего борова,
летел он, как огромная пчела.

Гигантская пчела парнокопытная
нахально полоскалась в небесах
и хрюкала, но самое обидное —
три пополудни было на часах,

и никакой мистической туманности,
природы аномальной никакой
не видел я, в лазоревой реальности
кружился боров жирный, золотой.

И жаворонка вытеснив, и ласточку,
и грозного орла, и соловья,
всё небо заняла, как баба лавочку,
гордящаяся крыльями свинья.

* * *

Я говорю: «Душа болит».
Врач констатирует — бронхит,
и сдать велит, как все врачи,
анализ крови и мочи.

Как будто можно от мочи
узнать, что я шепчу в ночи.
Как будто, сдав из пальца кровь,
легко понять печаль, любовь.

Я задыхаюсь, и врачу
я с дрожью в голосе шепчу:
«Я циник, лгун и скандалист...»
— Проверим вас на яйцеглист.

Собачья судьба

(Сентиментальная баллада)

На ковре в пятикомнатном храме
возлежала.
Мармелад, ветчину и салями
обожала.

Засыпала под плач клавесина
и гитары.
Элегантна была и красива,
элитарна!

Обладая высокой моралью
идеала,
никогда с кобелями за гранью
не бывала.

Никогда на асфальт не мочилась
и под окна.
А на днях колбасой подавилась
и подохла.

Что-то вспомнилось ей за обедом,
и с испугу...
А зачем написал я об этом? —
Жалко суку.

Сказка об одном поэте

В деревеньке небольшой
жил поэт с большой душой.
А еще, на всякий случай,
он имел талантов кучу
и, валяясь на траве,
часто думал о Москве.

А еще, конечно, он
был в жену свою влюблен.
И жена его любила,
покупала в лавке мыло
под названьем «Фрези Грант»
потому, что был он франт.

И катилась жизнь легко.
Под парное молоко

он работал, он старался,
но однажды догадался,
чтобы что-нибудь купить,
надо что-то заложить.

И задумался поэт:
баня есть, ломбарда нет.
У деревни профиль узкий.
И, накинув плащ французский,
почесав ногтем во лбу,
он отправился в Москву.

А в Москве — и стыд, и срам...
Но, жалея милых дам,
я рассказывать об этом
не советую поэтам.
Удержусь и сам, на час,
но продолжу свой рассказ.

Из деревни через год
заказным — пришел развод.
И поэт женился быстро
на племяннице министра
по делам литератур.
Ах, как много в мире дур.

Мне напомнят — не пошли...
Но дела его пошли.
Книга первая, вторая.
Критик, слезы утирая,
из платочка — два ведра
выжимает для пера.

Только прячется поэт
от журналов и газет.
Снова всхлипывает критик:
— У него, наверно, кризис.
А поэт с квитком в горсти
мчит к ломбарду на такси.

А в ломбарде говорят:
— Срок просрочен, ценник снят.
И суровым басом бога:
— На земле ломбардов много,
а душа всего одна,
Крой отсюда, старина...

И других не зная мест,
наш поэт пошел на... съезд.
Он светился, словно гелий.
Все кричали — гений, гений!
Воспарил поэт, воспрял,
прочно в гениях застрял.

Почему, не зная сам,
он писал, писал, писал.
Издавал за книгой книгу.
Ездил в Сочи, ездил в Ригу.
За границей побывал.
И писал, писал, писал.

На груди носил медаль.
Вот и все. «А где мораль? —
Спросят, — столько намарали?!»
Что поделать, нет морали.
Сказка есть. Морали нет.
...жил да был один поэт...

* * *

Зимою город меньше раза в два.
Похрустывают мерзлые слова.
В автобусах теснее, но теплее.
И так заgrimирована аллея
под чистое постельное белье,
что хочется улечься на нее.

Дома вдоль улиц, выстроившись в ряд,
дверями, как зубами, тарахтят.
И прячут бледнолицые девицы
худые пальцы-спицы в рукавицы,
а солнце, охладевшее к земле,
болтается в серебряной золе.

И часа не пройдешь — замерзнет нос,
как старый перезрелый абрикос
наморщится, в платочек протекая.
И по привычке небо протыкая,
над крышами взвизгивающий шпиль
орет, сдурев: «Я — вертел! Дайте гриль!»

Дикая любовь

Больные зубы — хуже нет недуга,
а тут еще прекрасный наворот —
влюбиться в стоматолога, в хирурга,
который между прочим зубы рвет.

Какая бестолковая случайность.
— Откройте рот. Закройте...
И потом,
со мной еще такого не случалось,
чтоб я дарил талончик на прием.

Зубная боль — под левую лопатку,
а там не зуб, там в общем-то крупней...
И не понять — какому богу взятку
мне надо дать, чтоб объясниться с ней.

Не скажешь ведь, в уютном кресле сидя,
где зуб на зуб от страха не идет:
«Я вас люблю так искренне, так сильно...»
Войдешь, и слышишь вновь:
— Откройте рот.

А что мне рот, когда сильнее зуба
болит внутри! Да что там говорить! —
Зуб можно вырвать, но смешно и глупо,
когда душа... ее не удалить.

Прощаю зуб, но как мне быть с любовью?
Есть у судьбы особая печать,
и за любовь мы чаще платим болью...
— Откройте рот. Придется удалять.

Инкубатор

Могучие грозные дяди,
имея приличный оклад,
в костюмах лоснящихся сзади
уверенно в креслах сидят.

Не курицы и не гусыни,
но место для высибки есть...
щедра на таланты Россия,
талантов в России не счесть!

Высиживать может не каждый.
И первого встречного зад
без выучки многоэтажной
на высибку не утвердят.

И дяди гордятся местами,
у них исторический труд:
таланты растут под задами,
таланты, как надо, растут!

И жен, и отечества ради,
листая, как судьбы, листья,
могучие грозные дяди
размашисто ставят кресты.

Да что там! Не дяди — атланты!
Шуршат над столами года,
высжииваются таланты
и гении... иногда.

Монолог бывшего уличного пса

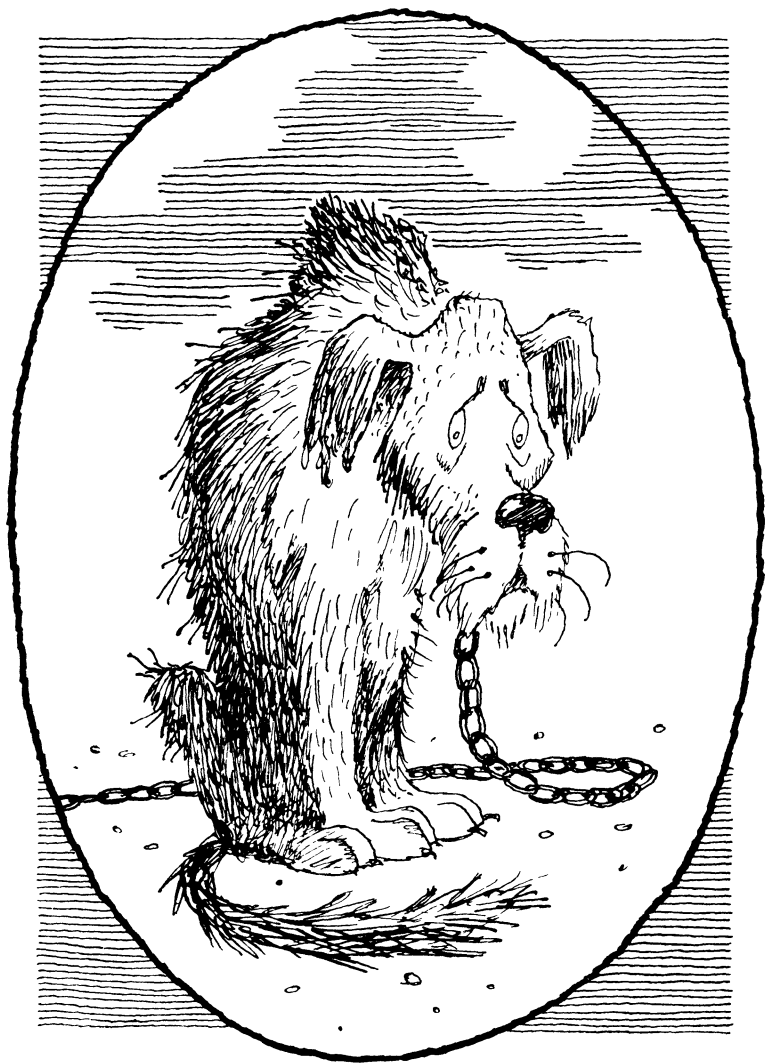
Я собака, я не плачу,
я скулю на лунный свет.
Обещали жизнь собачью,
а собачьей жизни нет.

В черный год меня позвали,
пригласили в конуру.
На цепи и без медали
я когда-нибудь умру.

Мне ошейник режет шкуру,
под хвостом живет блоха,
и плывут куда-то сдуру
надо мною облака.

В рационе — миска супа
да консервы из костей.
Оттого и лаю глупо
на прохожих и гостей.

Я хвостом виляю криво,
я зеваю сквозь клыки,
а собачьи перспективы,
как и прежде, далеки.

Я не езжу на машине,
не валяюсь на ковре.
Вижу сны о буженине
с осетриной — в конуре.

Не зовут меня с Мосфильма,
не дают за роль призов.
И богиня Серафима
благородных любит псов.

А меня никто не любит
и не хочет понимать.
Как я мог поверить людям
и свободу променять?!

Я собака, я не плачу,
я скулю на лунный свет.
Обещали жизнь собачью,
а собачьей жизни нет.

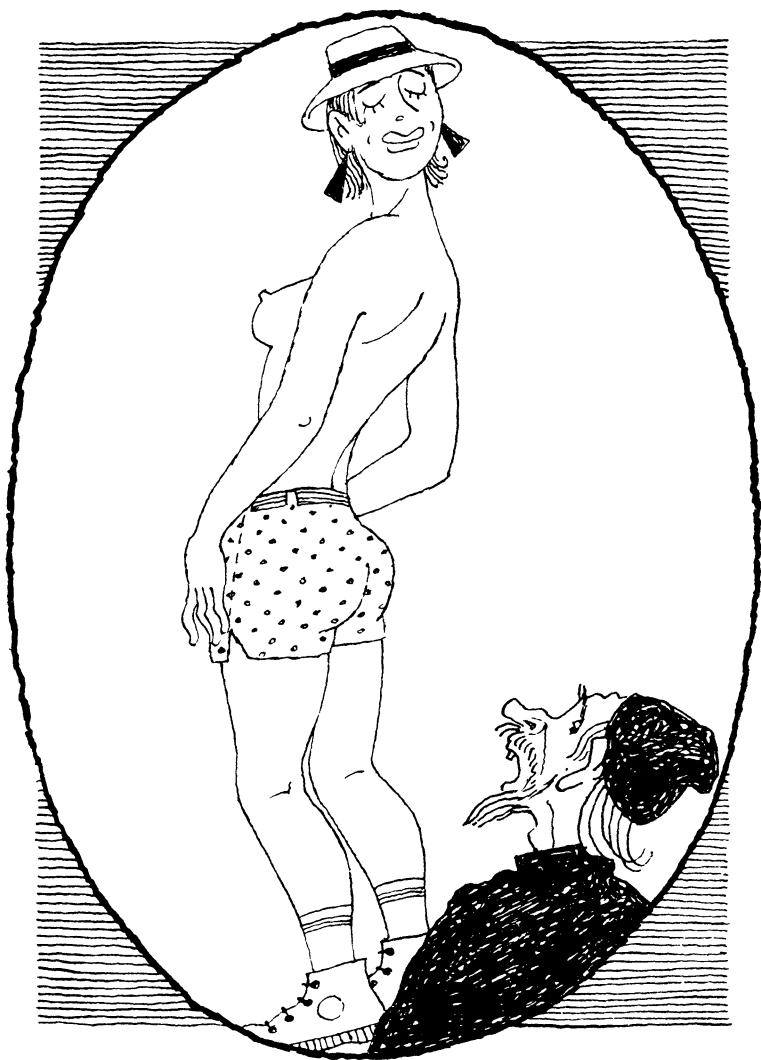
Стерлядь

Я смотрел на рыбу
из папье-маше
и печаль, как рыба,
плавала в душе:
почему не знаю?
Почему не ел?
Почему о рыбе
в знаниях пробел?
Но толпа туристов
среди бела дня
нагло оттеснила
в сторону меня.
И спиной сутулой
стену обтерев,

я музей покинул,
и туристам тоже
на такую рыбу
чтобы в час рассветный,
в маленькой речушке
выловить плотву.

Баллада о монахе

За лесами, за морями
жил монах в могильной яме.
И молился день и ночь он
потому, что верил очень.
И туристы шли толпою,
словно звери к водопою,
чтоб испить слезу монаха,
а потом махнуть в Монако.
В яме не было комфорта,
но монах держался твердо,
и молился ночь и день он
на уладу лицедеям.
Но пришла однажды к яме
в кедах, шортах и панаме,
Ни о чем не беспокоясь,
Обнаженная по пояс.
И сказала: «В яме грязно,
в яме сыро, в яме душно.
Посмотри, как я прекрасна.
Посмотри, как я воздушна».
Оторвавшись от молитвы,
ей монах сказал: «Иди ты...»
И ушла, почти на плюс,
обнаженная по пояс.

А монах, откушав хлеба,
извинился перед небом:
«Так, мол, так, ругнулся, было,
каюсь...»

Небо не простило.
С той поры монаху снится
эта самая девица,
и монах, покинув яму,
ходит, бродит, плачет спьяну,
ищет, в мире грешном роясь,
обнаженную по пояс.
Но идут навстречу девы,
но идут навстречу жены;
либо наглухо одеты,
либо напрочь обнаженны.

* * *

Я тону во времени.
Подрастают дети.
Мне бы вместо премии
лишнее столетье.

Но пока и с премией
в целом напряженка.
Может, это временно,
но уже изжога.

Перебои частые
в сердце замечаю.
Все спешу за счастьем я
и не успеваю.

Оттого на свете я
жить хочу беспечно,
если не в бессмертии,
то хотя бы вечно.

И конечно, к вечному
мне бы не мешало
жизни обеспеченной,
скажем, для начала.

Ну а там, впоследствии,
там такие дали,
о каких и в детстве мы
в сказках не читали...

Впрочем, вместе с прочими
я живу моментом,
Не забыть бы в очередь
встать за монументом.

Дефицит

Постигаю чай с лимоном.
Пью вприглядку полдень.
Духом умиротворенным
до краев наполнен.

Словно местная газетка,
тучка в небо вышла.
Вдруг — врывается соседка
красная, как вишня.

Вся растрепана, одета
так, что я стесняюсь.
И кричит она мне, где-то
даже задыхаясь:

— Хватит, парень, бить баклуши!
Нынче на базаре
то ли дрожжи, то ли души
в иностранной таре!

И, конечно, моментально,
то есть — ноги в руки,
мы из дома вылетаем,
как из горла звуки.

Долго ль, коротко летели,
знает лишь горсправка.
Суть не в этом. В самом деле,
на базаре — давка!

Баба черная в платочке
зубом золотится:
— Покупайте душу дочке,
может, пригодится!

Выбирайте и для сына
по размеру тела,
вдруг понадобится сильно
для какова дела?

Не жалея старик получки!
Пенсия прокормит.
Покупай в запас для внучки,
добрым словом вспомнит!

Покупатель прет по черной,
и товар торговка,
словно окорок копченый,
взвешивает ловко.

«К черту премию с авансом!
Десять штук по сходной!
Девять — выдам безотказным,
а одну — законной».

«Ну и цены. Мама! Жутко!
Не замерзну в стужу.
Пусть копила я на шубку,
лучше душу — мужу».

Покупают разных самых
и цветов, и масти
для директора и замов
по различной части,

для кассирши на вокзале
и в универсаме,
а мальчишка со слезами
покупает — маме.

На машинах повалили,
закупают оптом!
Все дороги перекрыли
для одной, с эскортом.

А торговка скалит зубы.
Цены — выше, выше!
К ней подходят толстосумы
из воров и выжиг.

Покупайте, не скупитесь,
все, что есть, отдайте!
Торопитесь! Торопитесь!!
По-ку-пай-те!!!

А торговка громче, резче,
в дьявольском угаре:
— Три последних!.. Две!.. До встречи...
Пусто на базаре.

* * *

Пришла двугорбая косуля,
ну просто вылитый верблюд,
и говорит: «За правду бьют,
а вымысел недоказуем».

Я спорить с женщиной не стал.
Я все учел — рога, копыта...
— Как звать вас, милая?
— Эдита.
— Откуда прибыли?
— Со скал.

На этом, собственно, беседа
и завершилась. Бредом бред.
Чего на свете только нет,
а нам пока лишь снится это.

Монолог вечно молодого поэта

Двадцать семь — не порок, не обуза,
не распад на житейской волне.
И счастливая юная муза
по ночам прибегает ко мне.

Мы на пару смеемся и плачем,
намечаем дела и пути
и за грубыми рифмами прячем
наболевшую нежность в груди.

Я иду по бескрайней дороге.
Я, как воздухом, жизнью дышу.
В непонятной, но вечной тревоге
я прекрасные песни пишу.

По столам в кабинетах разложен,
я к пятидесяти пяти
в типографиях буду размножен
и распродан в торговой сети.

И, лаская внучка-карапуза,
одобряя мой правильный быт,
пожилая почтенная муза
для порядка меня посетит.

К юбилею предложит награду —
тонну лавровых желтых венков.
Я спрошу: «А зачем?» Скажет: «Надо,
для приманки других дураков».

Соглашусь. Предложу мемуары.
Распрощаюсь. Приму валидол.
И всю ночь меня будут кошмары
звать, как прежде, за письменный стол.

Напроломная

Жизнь — дело частное. Мы лезем напролом.
Никто не даст нам, если сами не возьмем.

Попробуй здесь и дальше совесть завести.
Моргнешь, а дети-то успели подрасти,

а ты все там же, где стоял, и честь с тобой,
и всюду — старшие по чину. Хочешь? Стой!

Возьмут любимую, не купишь огурцов.
Помрешь с обидою на мир в конце концов.

Судьба не слон, но давит, если в нужный миг
ненапроломного закона не постиг.

А мы привыкли лезть, и всюду — напролом.
Мы в люди выбились — обратно не пойдём!

Отцы и дети

Мой сын придумал магазин.
Четыре года сыну.
Подвозит на машине сын
товары к магазину.

Директор, грузчик, продавец—
вовсю идет работа!
А покупатель — я, отец,
и больше нет народа.

Я поначалу заюлил,
опять же время, нервы,
но сын меня перехитрил,
сказал, что буду первым.

А случай редкостный такой
представится едва ли
когда еще. И я рукой
махнул. И мы сыграли.

«Что хочешь? — Сын меня спросил.—
Есть яблоки, ватрушки,
черешня, мармелад и сыр,
красивые игрушки,

живая рыбка, пастила
и крабы, и малина...»
«И устрицы», — добавил я,
обидев этим сына.

«Какие спицы? Спицев нет,—
сказал он,— что за спицы?
Сосиски есть, велосипед,
пирожные, синицы...»

Я не стерпел: «Ну что за бред?
Продукты, вещи, птицы—
таких торговых пунктов нет.
Такое только снится!»

Замаялся сын: «Но ты же сам
сказал, ты вспомни, папка,
что наш родной универсам
не хуже зоопарка».

Я перебил: «Давай, давай,
торгуй, творенье наше».
Продолжил сын: «Есть кофе, чай
и гречневая каша...»

Я рывкнул: «Кофе?! Греча?! Шиш!!
Я был в универсаме!!!»
И мой испуганный малыш
сбежал на кухню к маме.

* * *

Забавно... Бывало, в плохую погоду
кричал из подъезда лакей:
— Карету барона к парадному входу!
Барон ожидает! Быстрей!

Да... время не ждет... И в плохую погоду
трещит в гараже телефон:
— Машину министра к центральному входу!
Быстрее! Торопится он!

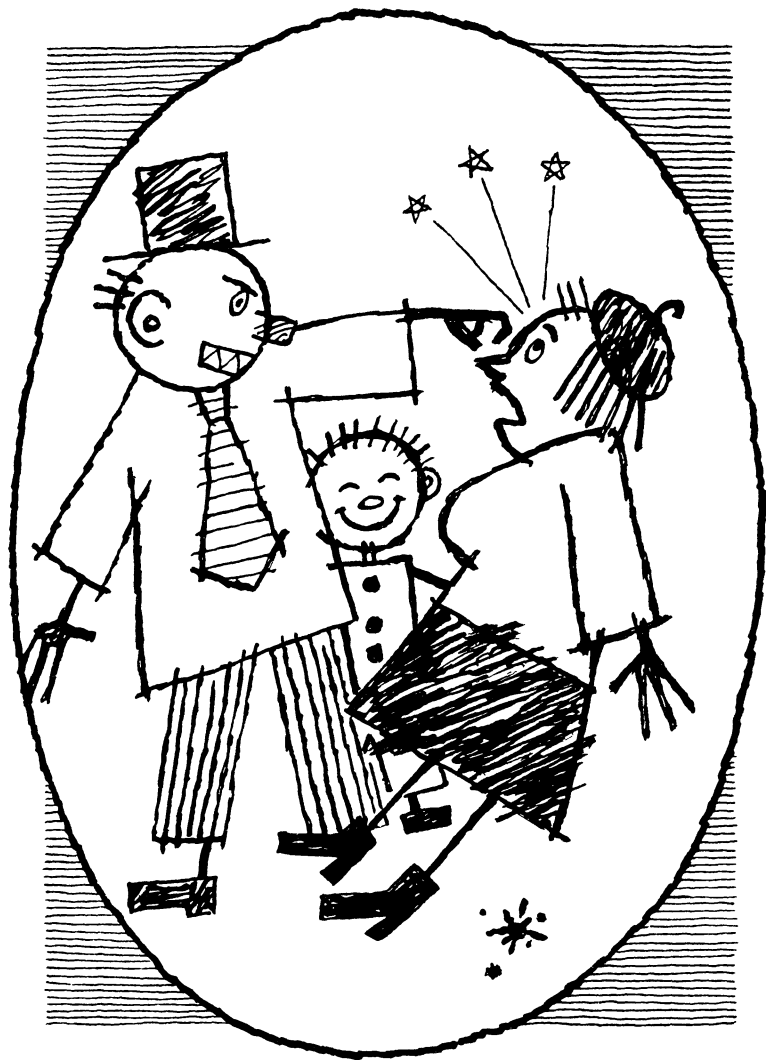
Воскресенье

*Сочинение ученика 5-го класса
средней школы*

«Мороз и солнце, день чудесный!»

А. С. Пушкин

В нашем новеньком квартале
мы с утра хвостом стояли
два часа в универсам.
Было холодно носам.
Всех облаяла собака
из-за мусорного бака.
Папа бросил кирпичом,
а собаке — нипочем!
Солнце с придурью светила
в снег ныряло и слепило.
Танцевал с авоськой дед
у киоска для газет.
Хорошо бежать с одышкой,
если пресса есть под мышкой!
Шурувал вприпрыжку дед,
мы хихикали вослед,
а дедуля в два присеста —
от инфаркта до подъезда,
по ледку да без коньков,
дернул дверь и был таков.
А под окнами общаги
малышня давала тяги,
снег разрыли до земли,
шарик беленький нашли,
стали дуть, но не успели:
мамы дружно налетели,
надавали по рукам,
растащили по домам.
На трамвайной остановке
матерились две хипповки,
хохотали мужики,
бабы прыскали в платки.

Папа, ждавший терпеливо,
вдруг взгрустнул о кружке пива
и, взволнованный ларьком,
дернул было за пивком,
но сказала мама папе,
что от папы чем-то пахнет.
Папа маму щелкнул в лоб,
мама рухнула в сугроб.
Папа маме подал руку,
мама встала и — ни звука.
Я хихикнул, мне — пинка.
Папа сбегал до ларька.
Наконец, в универсаме
мы локтями и задями
потрудились будь здоров!
Спорт — основа из основ.
Нахватали, накупили,
еле сумки дотащили.
Телевизор завели.
Ели. Пили. Спать легли.

Метаморфозы

Земля большая!
Больше, чем диван,
но спящим на диване все равно...
Изобретатель сделал чемодан,
не помню точно, в каком веке, но
по некоторым сведениям — давно.

Туризм!
Турист, а также интурист
в круиз без чемодана ни ногой.
Ах, чемодан, ты, как икра, зернист!
В такси и самолете, под рукой,
ты, как живот Гаргантюа, тугой.

В тебе роман, рубашка, пастила
и всякого добра невпроворот.
Эпоха чемоданная пришла.
В ЮНЕСКО, говорят, не первый год
О Годе чемодана спор идет.

Но спящим на диване все равно.
К чему волнения, если есть диван?
Окно зашторить! Дверь задраить! Но
и под диваном жирный, как баран,
пасется в поле пыли чемодан.

Он в сердце обладателя проник.
Диван трещит. Года идут. И вот
природу поражает нервный тик,
природе перекашивает рот—
беременный баран дает приплод.

Есть у вещей особенная прыть,
чем больше их, тем больше в них нужда.
И чемодан имеет право быть,
а также два, и третий не беда,
и пять не худо, было бы куда...

История явила цифру шесть.
Седьмой не поместился под диван
и, на диван сумев нахально влезть,
впоследствии пижаму надевал
и спал под шелухую одеял.

Яичница с утра. В обед борщи.
На ужин телевизор с колбасой.
И на дом приходящие врачи
не видели, как странен был больной.
А ночью он, простите, спал с женой.

Откормленная мирная жена
проигрывала годы в телефон.
Подмены не заметила она.
К тому же муж, оставшись без кальсон,
был чемоданом вниз переведен.

Земля большая!
Я не морщу лоб.
И верю — сон меня не посетит,
где, астрономом глядя в телескоп,
я изучаю ткань, которой крыт
большой прямоугольный спутник.

Легенда о Мельпомене

(Подражание древним)

В незапамятные годы
жили разные народы,
умножали пять на пять,
получали двадцать пять.
Никого не обижали.
Развлеченья обожали.
И считали: лучший стиль —
это легкий водевиль.
Водевили, между прочим,
исполняла лучше прочих
Мельпомена, Зевса дочь.
День за днем, за ночью ночь
танцевала Мельпомена,
пела песни вдохновенно,
неподдельной красотой
восхищая люд простой.
Но, увы, однажды летом
деву свел с искусствоведам
некий бог, веселья враг.
Словом, дело было так:
Мельпомена по июлю
пляшет в платице из тюля,
ножкой стройной ножку бьет,

о любви куплет поет,
и лукавит, и смеется.
Черным ливнем волос льется
по плечам, скользит на чуть
обнажившуюся грудь,
но она не замечает,
и кружится, и взлетает,
и над сценою летит.
«Браво! Браво!» — зал вопит.
Зал приветствует искусство.
От оваций меркнет люстра.
Зал пустеет. Гасят свет.
В этот миг искусствовед,
появившись из-за сцены,
на пути у Мельпомены
вырастает, как стена:
«Наконец-то ты одна...»
Побледнела Мельпомена —
Так ужасна эта сцена —
На лице ее испуг,
Как же все случилось вдруг?!
На щеках играет пламя.
Мельпомена хочет к маме.
Прикрывает ручкой грудь.
Норовит за дверь шмыгнуть.
Ах да ох... Не тут-то было!
Ключик щелк! И все поплыло,
зарябило... нет пути...
Шепчет: «Папочка, прости...
Ой, не надо, ой, не лезьте,
не лишайте деву чести...»
Но в ответ искусствовед
шепелявит: «Ну уж, нет...»
Он по этой части мастер!
По листу скрипит фломастер,
в небольшой научный труд
строчки резвые бегут.
Три, четыре крепких слова —
все! — рецензия готова:
«...безыдейна и глупа,

наготою до пупа
кружит головы поэтам.
Остановимся на этом.
Суть ясна. Искусства нет», —
Завершил искусствовед.
Он в карман фломастер прячет.
Мельпомена горько плачет.
Юность — в прошлом. Честь — в былом.
Кончен бал. В душе надлом...
С этих пор она не пляшет,
не поет, грустит и вяжет,
бродит с пасмурным лицом;
и, трагическим концом
завершая представление,
мстит нам дева за паденье,
метит горечью судьбы
обывательские лбы.

Там...

(Фантастическая миниатюра)

Брусок металла — из гранита
торчащий — почками набух.
Из оцинкованного сита
лил дождь на глянцевый лопух.

Лопух, как будто натуральный,
ногою высверлив асфальт,
торчал на площади центральной
под лампой в много тысяч ватт.

И не один сопливый кибер
его пинцетиком хватал.
Не одного папаша выдрал
за размагниченный металл.

Лопух оградой окружили.
Весь мир дивился. А лопух
раскачивался на пружине,
как выпивший моряк на двух.

Центростремительная мода
на микросхемы трафарет
для электронного народа
пустила новый силуэт.

А знаменитый архитектор,
изобразив державный дух,
на двухкилометровый вектор
надел гектаровый лопух.

Но с океана Нефте-Газа
явилась осень. И лопух
увял. И пылью стал. И сразу
беспрецедентный бум потух.

Брусек латунными листами
кормил бензиновый фонтан.
И мельхиоровые стаи
летели за меридиан.

Богиня

В первый раз одноклассник пятнадцати лет,
отутюжив коленями школьный паркет
и смутив архицопорный актовый зал,
принародно девчонку богиней назвал.

А потом в институте студент и доцент,
и заезжий, красивый, как бог, референт
академии точных и прочих наук
вслед шептали, вздыхая: «Богиня...»
И вдруг...

Это после того, как полвека почти
каждый встречный мужик, каждый столб на пути,
каждый ветер залетный и малый сквозняк
выдыхали: «Богиня...»
И вдруг... Как же так?

Как же так?.. Не осмыслить... и сумки в руках...
переполнен вагон... и усталость в ногах...
Он сидел... не уступит... здоровый, как слон,
он сидел... не уступит... качнуло вагон,

наступила случайно ему на башмак...
разорался... да черт с ним, он — быдло... но как?..
Как же мог он? Как вырвалось?.. Не осознать.
Это надо же — падлой богиню назвать.

* * *

Я давно к невезенью привык.
Привыкают и к большому злу.
Я навеки к терпенью приник,
словно в дождь головою к стеклу.

Я живу от весны до весны
точно так же, как всякий другой
там, где в доме четыре стены
и звезды не коснутся рукой.

* * *

Породистая маленькая хрюша
была интеллигентна и свежа.
И ласковое море, то есть лужа,
сияло, словно хрюшина душа.

И длинные ресницы над очами
застенчиво пленяли кабанов,
копящих соловьиными ночами
беконы целомудренных стихов.

А хрюша на совхозном семинаре
расхрюкивалась вежливо, на «вы»,
и если бы играла на гитаре,
то пела бы романсы, но, увы,

ни внешностью, ни образностью слова
не скроешь категорию и суть.
Природа беспристрастна и сурова,
и мясокомбинат не обмануть.

Сон студентки педагогического института

Мне снился дуб. Могучий, пышный,
великолепный статный дуб.
А рядом я — ожившей вишней —
из клипсов, ноготков и губ.

И вдруг, о чудо! Гром за тучей,
сверкает молния огнем,
и лейтенант, как дуб могучий,
стоит, и все прекрасно в нем:

усы, кокарда, португеза,
зеленой формы торжество.
И я, в предчувствии неменя,
гляжу с восторгом на него.

А он идет ко мне, корректно
со мной знакомится, и вот
уже по Невскому проспекту
он сквозь толпу меня ведет.

О, как он твердо ставит ногу,
уверенно чеканя шаг!
И уступают нам дорогу
идти не смеющие так—

и однокурсник мой, очкарик,
потенциальный медалист,
и нашей кафедры начальник—
декан, и главный методист.

Они толпятся в ряд у стенки
и восхищенно шепчут вслед:
«Везет же дурам! Но коленки...
таких коленок в мире нет...»

Подруги пелятся, как совы,
но, говоря друг дружке: «Фу...»,
из тряпок фирменных готовы
скакнуть от зависти в Неву.

А мы идем, и в свете алом
летающих праздничных знамен
мы козыряем генералам:
я — взглядом, и по форме — он.

А солнце прыгает, как мячик.
И мы приветствуем парней,
по набережной проходящих
с дубовым скрипом портупей.

* * *

Я уют себе создал.
Перечислю: общий зал,
спальня, ванна, туалет
мой рабочий кабинет.
Кабинет важней всего,
потому начну с него.
Обстановка — высший класс:
холодильник, мойка, газ,
кофе, курица, арбуз,
сын, жена, одна из муз.
Вот рабочий кабинет.
Переходим в туалет.
Обстановка — высший класс:
мой любимый унитаз.
Я сюда мечтой влеком.
Дальше мы пойдем бегом.
Вот обитель чистых нег —
ванна белая, как снег.
Мимо спальни, где кровать,
на которой можно спать,
пробегая, попадем
в общий зал и там найдем
обстановку — высший класс:
холодильник, унитаз...
О, пардон, эскюз ми, сэр!
Мисс, вилкам в СССР!

Самара

Домов одноэтажных тишина.
В дыру забора лезет стебель мака.
В помойке, деловита и грустна,
копается бездомная собака.

Лохматый парень чинит грузовик.
По лбу, смывая пот, бежит соларка.
Жара зашла в полуденный тупик.
С ума сойдешь — так мутрно и жарко.

Проходит легковой автомобиль
с раздетой до купальника девицей.
И долго в переулке вьется пыль,
и парень раздраженно матерится.

* * *

Ясень спилили электропилой,
досок нарезали, отшлифовали,
и, полированный, с тонкой резьбой,
ясень роялем устроился в зале.

Тысячи песен, концертов, сонат
сыграно было, известных и редких...
Ясеню снился октябрь, листопад,
морось, последние листья на четках...

А музыканты терзали до слез
грешников, жаждущих страсти, как света...
Ясеню слышалась музыка звезд,
музыка ветра и музыка лета...

Ясень в надежде сказать о своем,
клавиши сжав, напрягая педали,
сопротивлялся, но в зале большом
слышали только игру на рояле...

Возмездие

Пресса грезит демократией.
У чинуши — новый тон.
Издавать одних приятелей
не рискует больше он.

Давит кресло в ногу с временем
и в корзине для дерьма
ищет с юношеским рвением
гениальные тома.

Ищет, знает, где творения
бросил собственной рукой!
А теперь — дебаты, прения.
Наш чинуша не глухой.

Он прилежно внемлет прениям
и желанью вопреки
отдает убитым гениям
запоздавшие долги.

ФИЛИМОНОВ Дмитрий Иванович
ЧЕРНО-БЕЛАЯ ВЕСНА

Редактор А. С. Пьянов
Техн. редактор Л. И. Курлыкова

Сдано в набор 23.12.88. Подписано к печати 02.02.89.
А 00223. Формат 70 × 108¹/₃₂. Бумага типографская № 2.
Гарнитура «Гарамонд». Офсетная печ. Усл. печ. л. 2.10.
Усл. кр.-отт. 2,45. Уч.-изд. л. 2,15. Тираж 75000.
Заказ № 3554. Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС
«Правда». Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

АВТОБИОГРАФИЯ

Родился в 1959 году на Петроградской стороне...
Учился...

Повысив образовательный уровень в Ленинградском педагогическом институте, работал в школе...

В настоящее время являюсь главным редактором рубрики «Поэзоконцерт» при многотиражном журнале «Аврора». В совершенстве владею 1003 языками, включая 26 оттенков серого.

Первое стихотворение написал в глубоком детстве, после чего до 18 лет ничего не писал, а также и не читал. Печатался в журналах толстых и тонких, за исключением «Плейбоя», «Бурда моден» и «Нового мира».

Чувство юмора приобрел случайно, столкнувшись с некомпетентностью Союза писателей, который не только не знает о моем существовании, но и не поставил ни одного бюста на родине героя.

Если говорить о книжках, то эта — первая.